

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. Е. ГУСЕВ

ФОЛЬКЛОР

(История термина и его современные значения)

22 августа 1846 г. в английском еженедельнике «Атенеум» появилась небольшая статья, которой суждено было стать первой вехой на пути исканий фольклористикой своей области в мире науки¹. За псевдонимом, каким была подписана статья (А. Мертон), скрылся археолог Уильям Джон Томе (1803—1885), и вряд ли его скромное имя удержалось бы в памяти потомства, если бы не впервые употребленное им словообразование: «Folk-lore». Спустя немногим более тридцати лет, когда оно было принято в качестве научного термина английским фольклорным обществом, сам Томе, ставший его председателем, в предисловии к первому тому трудов этого Общества не без иронии заметил, что введенный им термин увековечит его имя больше, чем его долгая профессиональная деятельность².

Предлагая новое научное понятие, Томе меньше всего думал о будущих фольклористах и не имел тщеславного намерения основать новую науку. Словообразованием «Folk-Lore» Томе, как археолог, имеющий дело с памятниками материальной культуры, прежде всего хотел обозначить связанные с последними проявления духовной жизни народа, а именно — «нравы, обычаи, обряды, суеверия, баллады, пословицы и т. п. старых времен»³.

Хотя приоритет Томса в изобретении нового термина неоспорим, однако это не означает, что он был первооткрывателем самого предмета изучения. И здесь необходимо коснуться предыстории термина, которая объяснит неслучайность именно такого, а не иного значения, какое придал ему Томе.

Задолго до него во всех европейских науках существовало понятие «народной поэзии», «народной литературы» или «народной словесности». Но эти термины не охватывали всего комплекса народных традиций, всех элементов народной культуры. Между тем в XVIII в., по мере зарождения и оформления просветительской идеологии растут интерес и внимание к духовной культуре низов феодального общества, а также ко всей культуре народов так называемого «нецивилизованного мира».

¹ Ambrose Merton, Folk-Lore, «The Atheneum», № 982, 22 августа 1846 г., стр. 862/III—863/1.

² «Folk-Lore Record», v. 1, London, 1878, стр. XIII.

³ «The Atheneum», № 982, стр. 863/1.

Еще Вико наряду с понятием «народная поэзия» употреблял выражения «простонародная мудрость» и «простонародное предание» (традиция)⁴. Но особенно прививается в научном обиходе понятие «простонародная старина» или «простонародные древности» («Antiquitates vulgares», «Popular Antiquities», «The Antiquities of the common people» и т. п.), заменить которые, собственно, и призван был вводимый Томсом термин. Важно подчеркнуть, что он был вызван к жизни, во-первых, узостью термина «народная поэзия» и, во-вторых, громоздкостью других терминов более широкого содержания.

Поиски термина для обозначения той же области в национальной духовной культуре идут параллельно в других странах. Во Франции, Италии, Испании, Португалии надолго закрепляется термин «народные традиции» («Traditions populaires», «Tradizioni popolari», «Tradiciones populares», «Tradições populares»)⁵. Наряду с этим в разных странах предпринимаются попытки ввести для обозначения новой научной отрасли словообразования, основанные на том же принципе, которым руководствовался Томе, — «демография», «демология», «демопсихология», «демотика», «демософия», «демотекнография», «плебология», «плебография», «популология», «saber popular» или «saber vulgar» (исп.) и даже «лаография» (от греч. *καος*, — народ)⁶ и т. п. — с целью подчеркнуть, что предмет изучения здесь иной, нежели в антропологии, этнографии или этнологии.

В Германии и Австрии образуется свой аналогичный термин — «Volkskunde», в отличие от более раннего термина «Völkerkunde», употреблявшегося в значении общей этнографии или этнологии. Аналогичные термины употребляются в Швеции, Норвегии («Folkeminner») и Дании («Folkeminder»). Одно время считалось, что «Volkskunde» является переводом английского термина «Folk-Lore», осуществленным В.-Г. Рилем⁷. Исследователями неопровержимо доказано, что немецкий термин возник независимо от Томса и задолго до него (он встречается с 1813 г.; в 1828 г. его употребляет Гете)⁸. В историографической литературе стало обычным отождествление значений этих терминов. В действительности же, самими немецкими учеными неоднократно подчеркивалось, что термины «Volkskunde» и «Folk-Lore» отнюдь не равнозначны. Так, еще К. Вейнгольд писал, что «к «Volkskunde» относится больше, чем полагают гг. фольклористы»⁹. Для К. Кнорца фольклор был лишь «отраслью „Volkskunde“», «которая имеет предметом песни, игры, праздники, сказки, сказания, язык и обычаи народов»¹⁰. А. Дитрих также под-

⁴ Дмабаттиста Вико, Основания новой науки об общей природе наций, Л., 1940, стр. 77, 137.

⁵ Так назывались фольклорные общества и журналы вплоть до 90-х годов XIX в. О причинах устойчивости этого термина см.: А. Ван Гепнер, Le folklore, Paris, 1924, стр. 8—9.

⁶ Raffaele Corso, Folklore. Storia. Oggetto. Metodo. Bibliografia, Roma, 1923, стр. L3; Paul Saintyves, Manuel de Folklore, Paris, 1936, стр. 20; A. Van Gelinck, Manuel de folklore français contemporain, v. I, Paris, 1943, стр. 6—7.

⁷ Julius Schwietering, Wesen und Aufgaben der deutschen Volkskunde, «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte», 1927, № 5, стр. 750.

⁸ Adolf Hauffen, Zur Geschichte des Wortes «Volkskunde», «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde», 1910, № 23, стр. 414; Viktor Geramb, Volkskunde und Heimatschutz, «Zeitschrift Deutsch-Osterreich», 1913, № 1, стр. 300; O. Stieckrath, Zur Geschichte des Wortes «Volkskunde», «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde», № 29, стр. 45; V. Geramb, Zur Geschichte des Wortes «Volkskunde», там же, № 32, стр. 71.

⁹ Karl Weinhold, Was soll die Volkskunde leisten?, «Zeitschrift für Volkspsychologie und Sprachwissenschaft», 1890, № 20, стр. 1.

¹⁰ Karl Knortz, Was ist Volkskunde und wie studiert man dieselbe?, Altenburg, 1900, стр. 4.

черкивал, что «Volkskunde» намного шире, чем «Folklor»¹¹. Ю. Швигеринг вообще выводил фольклор за пределы «Volkskunde» и считал его «специальной областью» «Völkerkunde», изучающей все то, что составляет «человеческую примитивность всего земного шара и культурных наций»¹². Именно вследствие несовпадения значений терминов «Volkskunde» и «Folklore» последний термин, не заменяя первый, был усвоен учеными Германии, Австрии и Швейцарии. Характерно, что наш современник Ф.-В. Шульце, произведший специальное этимологическое исследование термина «фольклор» (он проследил эволюцию и все значения составляющих его слов в английском языке), пришел к выводу о целесообразности его употребления. «Вопреки всем двусмысленностям своих определений, — пишет немецкий ученый, — он приобрел определенное значение как весьма подходящий термин...»¹³.

Если термин «фольклор» оказался приемлемым даже для немецких ученых, где формальная близость его к национальному термину долгое время затрудняла его распространение, то в научной литературе на романских, славянских, финноугорских и других языках он сравнительно быстро вытеснил и заменил приведенные выше и аналогичные национальные определения и превратился в наше время в общеупотребляемый международный научный термин.

Но став таковым, он постепенно утратил свой первоначальный смысл и под пером разных ученых в разное время и в разных странах стал обозначать различные объекты исследования, что затрудняет пользование этим термином и уже само по себе служит источником недоразумений и страстных споров о предмете фольклористики как науки.

Было бы небезынтересно и поучительно проследить вхождение термина «фольклор» в науку разных стран и все изменения его значения, какие сопровождали его победное шествие по земному шару. Не имея возможности осуществить это на материале всей мировой науки, остановлюсь на основных моментах в истории термина.

В самой Англии и соответственно в странах, где принят английский язык, понятие «фольклор» претерпело определенную эволюцию. После статьи Томса, с 50-х годов XIX в. появляются одна за другой специальные работы¹⁴. Укажу, например, книгу с характерным заглавием — «Ланкаширский фольклор. Объяснение суеверий, верований, навыков, местных обрядов и обычаев населения Палатинского графства»¹⁵. Постепенно границы понятия «фольклор» расширяются. Потребовался специальный доклад, составленный в 1879 г. Фольклорным обществом, который официально закрепил два значения термина — широкое и более узкое, но, как увидим, тоже достаточно емкое. В широком смысле слова фольклор стал обозначать «неписанную историю народа, преимуществен-

¹¹ Albrecht Dietrich, *Über Wesen und Ziele der Volkskunde*, «Hessische Blätter für Volkskunde», 1902, I, стр. 184.

¹² Julius Schwietering, *Wesen und Aufgaben der deutschen Volkskunde*, «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte», 1927, № 5, стр. 751.

¹³ Fritz Willy Schulze, *Folklore. Zur Ableitung der Vorgeschichte einer Wissenschaftsbezeichnung*, Halle, 1949, стр. 47. Замечу кстати, что термин «Volkskunde», в свою очередь, в настоящее время сблизился с понятием «Völkerkunde», и употребляется в ГДР в значении «этнография» (Wolfgang Steinitz, *Volkskunde und Völkerkunde*. Aus dem Eröffnungsvortrag des Berliner Volkskunde-Kongress, «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», B. I, H. 1/2, 1955, стр. 269—275).

¹⁴ Едва ли не первой значительной работой, в заглавие которой вводится предложенный Томсом термин, является книга: T. Sternberg, *The Dialect and Folk-Lore of Northamptonshire*, London, 1851.

¹⁵ J. Harland and T. T. Wilkinson, *Lancashire Folklore. Illustrative of the Superstitions, Beliefs and Practices, the Local Customs and Usages of the People of the County Palatin*, London, 1867.

но неписанную историю примитивных эпох»; в более узком смысле — «древние нравы, обычаи, обряды и церемонии прошлых эпох, превратившиеся в суеверия и традиции низших классов цивилизованного общества»¹⁶. Толкование, какое давалось фольклору Лондонским фольклорным обществом, предполагало, в сущности, лишь одно ограничение — областью фольклора объявлялось все, что составляло творчество самого народа: «Можно сказать, — читаем в том же докладе, — что фольклор охватывает всю культуру народа, которая не была использована в официальной религии и истории, но которая есть и которая была всегда его собственным произведением»¹⁷. В самой общей формуле предметом фольклора назывались здесь «вещи наиболее древние, наиболее постоянные и наиболее распространенные»¹⁸.

Столь широкое определение имело следствием чрезмерное расширение границ фольклорных исследований и фактическое слияние фольклористики с этнографией. Эту опасность ощутил уже известный исследователь Эндрю Лэнг; будучи председателем второго Международного конгресса фольклористов (Лондон, 1891), он во вступительном слове констатировал, что термин фольклор, который первоначально обозначал сравнительно небольшой круг фактов духовной культуры, постепенно охватил почти все явления человеческой жизни¹⁹. «Если бы меня спросили, — воскликнул Лэнг, — чем отличается этот термин от антропологии (в английском языке этот термин — синоним этнографии. — В. Г.), я затруднился бы ответить». Сам Лэнг до этого стремился восстановить первоначальный смысл термина и с этой целью ввел, вслед за Тэйлором, понятие «пережитков» (survivals), которое должно было, по его мнению, конкретизировать сущность фольклора. Он так определил предмет новой науки: «духовные остатки наследия древних народов, пережиточные (surviving) предрассудки и предания, которые существуют в наше время, но не являются современными»²⁰.

Однако усилия Лэнга оказались тщетными. Процесс универсализации термина не приостановился, хотя стал меняться аспект его восприятия²¹. К 90-м годам XIX в. термин «фольклор» охватывал всю совокупность народных традиций, но историко-ретроспективный, археологический подход сменился психологическим. Под фольклором теперь стали понимать все, что характеризует психическую жизнь народа. М.-Р. Кокс исследовал «силу традиций» в народных представлениях о душе, в тотемических и анимистических представлениях, в образах духов и божеств, в верованиях в потусторонний мир, в магии, мифах, сказках²² и т. п., причем народная проза, баллады, игры, драмы, загадки, пословицы оказались лишь незначительной частью обширного материала для изучения народной психологии²³.

Е.-С. Хартлэнд, новый президент Фольклорного общества, объявил фольклористику частью этнографии, а именно — наукой о традициях²⁴.

¹⁶ «First annual report of the Council of Folk-Lore Society», «Folk-Lore Record», v. II, 1879, Appendix, стр. 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «The International Folk-Lore Congress», London, 1892, стр. 3.

²⁰ A. Lang, Custom and Myth, London, 1885, стр. 11. Ср. его же предисловие ко 2-му тому «Folk-Lore Record.» (стр. VII).

²¹ О полемике на страницах английского журнала «Folk-Lore» в 1880—1890 гг. см.: Е. Г. Кагаров, Что такое фольклор, «Художественный фольклор», вып. IV—V, Л., 1929, стр. 4—5.

²² Marian Roalfe Cox, An Introduction to Folk-Lore, London, 1895.

²³ Там же, стр. 234—296.

²⁴ E. S. Hartland, Folk-Lore. What is it? And what is the Good of it?, London, 1899, стр. 3.

и целью ее — установление законов традиции «посредством изучения их продуктов, обычаев и верований, рассказов и суеверий, которые передаются от поколения к поколению»²⁵.

Дж.-Л. Гомм, первый секретарь Общества, определивший фольклористику как «историческую науку», предметом ее считал «пережитки», сохранившиеся до наших дней. По его словам, «материал фольклора состоит из так называемых, традиционных сказок, традиционных обычаев и так называемых суеверий, отличительной чертой которых является то, что они существуют только силой традиции»²⁶. Продукты традиции он объединил в две основные группы: одну составили мифы, сказки, легенды, другую — обычаи, церемонии, действия и верования (в другом месте — обычаи, обряды, верования)²⁷.

Ш.-С. Бён, вице-президент Фольклорного общества, обобщила накануне первой мировой войны искания отечественной фольклористики и составила стройную классификацию фольклора. Определив его предмет как «традиционные верования, обычаи, предания, песни и речения (Sayings), распространенные среди отсталых народов и сохраняющиеся у некультурных классов более развитых народов»²⁸, она распределила все виды фольклора в три основные группы со следующими подразделениями.

I. Верования и действия, относящиеся к: 1) земле и небу, 2) растительному миру, 3) миру животных, 4) человеческому существованию, 5) вещам, сделанным человеком, 6) душе и потустороннему миру, 7) сверхчеловеческому бытию (боги, божества и т. п.), 8) предзнаменованиям и предсказаниям, 9) искусству магии, 10) болезням и врачеванию (Leechcraft).

II. Обычаи: 1) общественные и политические институты, 2) обряды индивидуальной жизни, 3) занятия и производство, 4) календарные праздники, 5) игры, танцы, спорт и развлечения.

III. Проза, пение и речения: 1) рассказы — а) воспринимаемые как быль (as true), т. е. мифы, легенды, героические сказания и саги и б) служащие для развлечения (сказки во всех их разновидностях), 2) песни и баллады, 3) пословицы и поговорки, 4) детские стихи и т. п.²⁹.

Объем и состав понятия фольклор, определенные Лоуренсом Гоммом и Шарлоттой Бён, закрепились и в последующих работах английских ученых. Господствующим оказался взгляд на фольклор как на старину, хотя уже в некоторых высказываниях Хартленда и допускалась возможность новообразований. Исключение составил, пожалуй, лишь Р.-Р. Марретт, известный в истории науки главным образом своей теорией «преанимизма». Как фольклорист, Марретт пытался дополнить традиционное определение «пережитка» идеей возрождения и обновления народных традиций, преодолевая тем самым односторонне-ретроспективный взгляд на фольклор и перенося акцент на «движение и прогресс» в фольклоре³⁰. В целом термин фольклор стал означать научную дисциплину, но Бён, а вслед за ней и некоторые другие, стали употреблять его и в значении материала, предмета исследования³¹.

²⁵ Там же, стр. 7.

²⁶ Georg Laurence G o m m e, *Folklore as an historical Science*, London, 1908, стр. 123; ср. стр. XIV.

²⁷ Там же, стр. 154, 159, 170. Ср. его же, *Handbook of Folklore*, London, 1887.

²⁸ Charlotte Sophia Burne, *The Handbook of Folklore*, London, 1914, стр. 1.

²⁹ Там же, стр. 4, 257, 263—265.

³⁰ Robert M a r e l l, *The Interpretation of Survivals*, «Psychologie and Folklore», London, 1920, стр. 73, 100, 121 и др.

³¹ См.: Alexander H. Krappe, *The Science of Folklore*, London, 1930 (переизд.—New York, 1964).

В романских странах английский термин входит в научный обиход в середине 70-х, в 80-е годы XIX в. Во Франции впервые он встречается еще в 1875 г. в журнале «*Melusine*», затем повторяется в подзаголовке издания «*Ma Mère l'Oye*» (Paris, 1882). Тогда же это слово появляется на титуле издания «Библиотека испанских традиций» и в названии книги «*Фольклор Андалузии*»³². В Италии его употребляет П. Росси в одной из статей 1888 г. В научной литературе на романских языках, как и на английском языке, слово фольклор означает преимущественно науку, а не предмет изучения, хотя особенно усиленно пропагандировавший этот термин во Франции П. Себийо образовал от него производные слова, перешедшие затем и в другие языки: фольклоризм, фольклорист, фольклорный (*folklorique*)³³.

К концу 80-х — началу 90-х годов термин «фольклор» становится известным и в славянских странах, причем тогда же предпринимаются поиски его эквивалента на славянских языках³⁴. В России его употребляют А. Н. Веселовский, М. М. Ковалевский, Е. В. Аничков и др.³⁵. Однако неустойчивость и известная неопределенность этого термина, как он понимался в 80—90-е годы, были и причиной того, что русские ученые пользовались им редко. Характерным свидетельством поисков значения термина является редакционная статья В. И. Ламанского, открывшая первый выпуск журнала «Живая старина». Он пишет здесь о «неуловимой цели и задаче фольклористов»³⁶. В статье отмечается неупорядоченность употребления термина фольклор — он обозначает то предмет исследования, то историко-культурную науку, то метод изучения этнографического материала, то народную психологию, то метод ее изучения³⁷. Между тем Ламанский пытается разграничить понятия: «Этнография, этнология... различает, определяет свойства и особенности рас, племен и народов. Фольклор соединяет, сопоставляет разные черты и данные различных степеней развития человечества, без отличия рас и племен». Фольклор, «хотя и обращается с этнографическим материалом, имеет своей задачей создать новую опытную психологию, новое учение о душе не личной, а общечеловеческой, всенародной, вселюдской... и новую историю человеческой культуры с самых первых ее зачатков»³⁸.

Спустя 10 лет в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона появилась специальная статья Е. В. Аничкова, где автор закрепляет широкое значение термина как «древних верований, предрассудков, обычаев, обрядов, пословиц, заговоров, поговорок, песен и сказок, до сих пор живущих в простонародье по традиции». Аничков в сущности констатировал господство эмпиризма и позитивизма в современной ему буржуазной фольклористике, которая стала «наукой исключительно описа-

³² Arthur Ramos, *Estudos de Folk-Lore. Definição e limites teorias de interpretação*, Rio de Janeiro, 1952, стр. 17. В Португалии термин появился в 1875 г. (там же).

³³ Paul Sébillot, *Le Folklore*, «Revue d'Anthropologie», 3 série, v. 1, 1886, стр. 292; его же, *Le Folk-Lore. Literature orale et ethnographie traditionnelle*, Paris, 1903.

³⁴ В Чехословакии, например, в 1890-е годы им пользовался Е. Каварж в значении «народные знания, народное искусство и народные вкусы» (Jaromír Jeřábek, *Folklor, «Československá ethnografie»*, 1956, № 1, стр. 80—82). Эквивалентом термина становятся «lidopis», «lidověda» (см. статью в изд. «Ottův. Slovník naučný», t. XV, Praha, 1900).

³⁵ Едва ли не впервые определение фольклора на русском языке было сформулировано Вл. Лесевичем: «Фольклор — это общая совокупность народного знания, вся масса разнообразных сведений народа о своей жизни, основанных на устной традиции и стоящих вне культурных влияний» («Памяти В. Г. Белинского», М., 1889, стр. 343).

³⁶ «Живая старина», вып. 1, СПб., 1890, стр. XVI, XLIII (от редактора).

³⁷ Там же, стр. XLV.

³⁸ Там же, стр. XLI.

тельной» и которая «не преследует никаких самостоятельных целей, служа лишь своими материалами различным отраслям социологии»³⁹.

Отражением восприятия термина фольклор русской буржуазной наукой конца XIX — начала XX в. были соответствующие эквиваленты: «живая старина», «бытовая старина» (Аничков). Другим русским эквивалентом термина, прочно вошедшим в обиход уже в Советском Союзе, стало выражение «народное творчество», едва ли не впервые употребленное М. Ковалевским, который писал о разных «проявлениях народного творчества, обнимаемых понятием фольклора»⁴⁰.

Во всех случаях, как в западноевропейской фольклористике, так и в русской науке, мы имеем дело с расширительным значением термина. Закономерной реакцией на это позже явилось стремление разграничить предмет фольклористики и этнографии.

Поиски специфики понятия «фольклор» шли в разных направлениях. Во Франции, где связь фольклористики с этнографией остается нерасторжимой, предпринимаются попытки автономного выделения предмета исследования. Крупнейший фольклорист XX в. А.-Ван Геннеп определяет фольклор как «универсальный объект со специфическим элементом, который заключен в слове народный»⁴¹. Фольклористика — «наука, синтетическая», наука «широкого синтеза» и т. п.⁴², которая изучает все произведения коллективного народного творчества, отличающиеся от того, что создается в среде привилегированных элементов общества⁴³. Фольклор, по Геннепу, может быть религиозным, обрядовым, литературным, музыкальным, социальным, юридическим, художественным⁴⁴. В своем труде, подводящем итоги его многолетней деятельности — в трехтомном «Руководстве по фольклору», Ван Геннеп, правда, вводит новое определение фольклористики как «науки биологической», которая, однако, изучает жизнь человека в обществе и потому в классификации предмета пользуется принципом социологическим⁴⁵.

Другой крупный французский фольклорист П. Сентив не был удовлетворен безмерно широким значением термина⁴⁶, но причиной часто встречающегося отождествления фольклористики с этнографией Сентив считает не саму по себе универсальность предмета первой, а смешение двух разных культурных явлений — культуры первобытных народов и культуры народных масс в цивилизованном обществе. Поэтому он предлагает предметом этнографии считать всю материальную и духовную культуру «примитивных» народов, а фольклором — «культуру материальную и духовную народных классов в цивилизованных странах»⁴⁷. Другими словами, фольклор — «культура большинства» (*du grand nombre*) — в противоположность культуре «избранных» или меньшинства⁴⁸, или все, что передается посредством устной традиции в цивилизованном обществе⁴⁹. Весь фольклор Сентив делит на три группы: а) «жизнь материальная» (народная пища, одежда, жилище, убранство, транспорт, различные виды работы и производственных занятий и т. п.);

³⁹ Е. Аничков, Фольклор, «Энциклопедический словарь», т. 36, СПб., 1902, стр. 209, 212.

⁴⁰ М. М. Ковалевский, Социология, т. II, СПб., 1910, стр. 4—5.

⁴¹ Arnold Van Gennep, *Le Folklore*, Paris, 1924, стр. 21.

⁴² Там же, стр. 29, 121.

⁴³ Там же, стр. 22, 31.

⁴⁴ Arnold Van Gennep, *Manuel de folklore français contemporain*, v. I, Paris*, 1943, стр. 11.

⁴⁵ Там же, стр. 58, 73.

⁴⁶ P. Saintyves, *Manuel de Folklore*, Paris, 1936, стр. 31.

⁴⁷ Там же, стр. 48.

⁴⁸ Там же, стр. 35.

⁴⁹ Там же, стр. 41.

б) «жизнь умственная» (народная лингвистика, знания, философия, эстетика — народное искусство и литература, магия и религия) и в) «жизнь социальная» (семья, объединения, союзы, общества, организации и т. п.). В особый раздел он выделяет «секретную» часть (все, что относится к интимным взаимоотношениям между полами)⁵⁰.

Таким образом, во французской фольклористике XX в. утверждается абстрактно-социологический аспект изучения фольклора как всего комплекса культуры «народных классов» или «большинства». Этот принцип наиболее отчетливо был сформулирован А. Вараньяком. Предметом фольклористики как «науки социологической» он считает жизнь трудящихся, ограниченную «пережитками», важнейшими критериями фольклора — традиционность и коллективность⁵¹. Общее определение фольклора у Вараньяка гласит: «Коллективные знания без доктрины и коллективная практика без теории»⁵². В то же время во Франции предпринимается попытка дифференцировать фольклорное и народное. П. Куаро принадлежит парадокс: «все, что фольклорно — народно; но народное не обязательно фольклорно»⁵³.

Социологический принцип был провозглашен также бельгийской школой «неофольклоризма» и, в частности, крупнейшим представителем ее — А. Мариню. Течение это возникло в противовес археологическому, или историческому, а также психологическому направлениям в буржуазной фольклористике. «Неофольклоризм» создал концепцию фольклора как специфического социального явления, а именно — как совокупности живых обычаев, нравов, верований, традиций, характерных для определенных социальных групп⁵⁴. Признавая, что в доклассовом обществе предмет этнографии и фольклористики един, Мариню считал, что в классовом обществе он разделяется по способам создания, сохранения и передачи. А именно, предметом этнографии являются культурные приобретения нации, передаваемые с помощью письма, печати или обучения, фольклором же становятся приобретения, сохраняемые и передаваемые как устная традиция в жизни общества, т. е. коллективные навыки, обряды и т. п., свойственные определенным общественным группам⁵⁵.

Если во Франции и Бельгии ограничение объекта фольклористики шло в направлении социологическом, то по-иному эта проблема стала решаться некоторыми учеными в других странах. В ряде стран она была лишь поставлена, но вскоре там было восстановлено традиционное применение термина. В Италии, например, где были очень сильны традиции изучения народной поэзии, наметилась тенденция к ограничению предмета фольклористики словесными произведениями народного творчества. Но эта тенденция встретила энергичный протест со стороны

⁵⁰ Идея ограничения фольклора культурой лишь народа «цивилизованных» стран высказывалась до Сентива в Англии Л. Спенсом (Lewis Spence, *An Introduction to Mythology*, London, 1921, стр. 21), а во Франции еще раньше — П. Себийо (Paul Sébillot, *Le Folk-Lore. Littérature orale et ethnographie traditionnelle*, стр. 40).

⁵¹ A. Varagnac, *Définition du folklore*, Paris, 1938, стр. 4, 6, 7.

⁵² Там же, стр. 18.

⁵³ P. Coirau II, *Notre chanson folklorique*, Paris, стр. VIII.

⁵⁴ Albert Marinus, *Le néo-folklorisme*, «Isidre Teirlinck album», Louvain, 1931, стр. 231—237. Ср. его же. *Conception Sociologique du Folklore*, «Annales de la Société Royale d'Anthropologie», Bruxelles, 1927.

⁵⁵ Albert Marifus, *Ethnographie, Folklore et Sociologie*, Bruxelles, 1931, стр. 13—21. Те же идеи развивали другие фольклористы на страницах журнала «Le Folklorb Brabançon», а также в докладах на научном конгрессе, состоявшемся в Брюсселе и 1930 г. Впоследствии Мариню стал склоняться к психологическому методу изучения фольклора, см.: A. Marinus, *La causalité folklorique*, Bruxelles, 1942; однако в последних своих работах он снова вернулся к проблеме социологии фольклора (см. Albert Marinus, *Essais sur la Tradition*, Bruxelles, 1958, «Habitudes sociales et Tradition»).

крупного фольклориста начала XX в. — Р. Корзо. Не отрицая правомерности термина «народная литература», Корзо аргументированно возражал против отождествления ее с фольклором, настаивая на приложении последнего термина к более широкому комплексу народной духовной культуры⁵⁶. При этом он особенно подчеркнул, что первая составная часть термина — *folk* — является синонимом не понятиям «люди», «человек», «нация», «население» и т. п., а понятиям «*vulgus*» «*plebs*»⁵⁷. Характерно, что и выдающийся итальянский марксист А. Грамши определял фольклор как «непосредственную философию» народа, как «весь комплекс верований, предрассудков, воззрений» народных масс⁵⁸.

Аналогичную картину дает научная литература 1920—1930 гг. на испанском языке. Несмотря на большое количество филологических трудов о народной поэзии, А. Эспиноза в книге «Наука о фольклоре» определил фольклористику как науку историческую, которая «собирает, классифицирует и исследует... материал по народному творчеству в самом широком смысле этого слова, истолковывая насколько возможно жизнь и дух народов в смене веков»⁵⁹.

Тенденция сводить фольклор к произведениям словесного творчества, а фольклористику сближать с литературоведением проложила себе дорогу постепенно. Эту идею отстаивал Август Зауер в речи, прочитанной в 1908 г. в Праге. Его ученик Й. Надлер развил и реализовал эту идею в трехтомной «Истории литературы немецких племен и областей» (1912—1918). За сближение фольклористики с литературоведением уже в 1920-е гг. ратовал Р. Печ⁶⁰. Материалами народной поэзии ограничивался в своих ранних работах и Ион Мейер, создавший свою известную теорию «рецепций», или литературного происхождения народных песен. Но особенно последовательно фольклор стал отождествляться с народным словесным творчеством виднейшими представителями финской школы в фольклористике. Зачинателем филологического метода изучения фольклора является Юлиус Крон, автор фундаментальной «Истории финской литературы», первую часть которой составило сравнительное изучение «Калевалы» как поэтического памятника. Сын и последователь Юлиуса Крона — Каарле Крон отчетливо сформулировал, что предметом фольклора являются сказания, сказки и песни как произведения словесного творчества, и вся методика их изучения приобрела у него филологический характер⁶¹. Хотя в Финляндии успешно осуществлялось и изучение народной музыки (вторым сыном Юлиуса Крона — Ильмари Кроном), но термин фольклор закрепился за словесным народным творчеством.

В советской фольклористике первоначально удерживалось широкое понимание термина «фольклор». Так, в 1926 г. Ю. М. Соколов признавал, что понятие «словесная поэзия» «не покрывает собою всего круга

⁵⁶ Raffaele Corso, Указ. раб., стр. 15.

⁵⁷ Там же, стр. 17.

⁵⁸ «Opere di Antonio Gramsci», v. 2 [Torino], 1949, стр. 11, ср. стр. 3.

⁵⁹ Aurelio Espinosa, La ciencia del folklore, Habana, 1929, стр. 16. В других местах книги Эспиноза характеризует предмет фольклора как материал, сохраняющийся в среде низших классов и дающий преимущественно художественное выражение народной души.

⁶⁰ R. Petsch, Volkskunde und Literaturwissenschaften, «Jahrbuch für historische Volkskunde», I, 1926, стр. 139.

⁶¹ Основные принципы метода финской школы в фольклористике К. Крон сформулировал еще в речи на I Международном конгрессе фольклористов в Париже (1889), затем — в статье «Ober die finnische folkloristische Methode», «Finnisch-Ungarische Forschungen», Bd. XI, Heft. 3, Helsinki, 1910 и, наконец, в труде: Kaarl Krohn, Die folkloristische Arbeitsmethode begründet von Julius Krohn und weiter geführt von nordischen Forschungen, Oslo, 1926.

явлений, с которыми приходится оперировать» фольклористам; он утверждал, что невозможно отграничить факты словесного творчества от других способов художественного выражения (жест, мимика, пляска, напев и т. д.), писал о «неразрывности» народного «художественного творчества с другими проявлениями психической деятельности» и т. д.⁶² Обосновывая необходимость внедрения в обиход терминов «фольклор» и «фольклористика», Ю. М. Соколов писал, что составная их часть «логическая» «значительно больше подходит к обозначению всего круга явлений, рассматриваемых нашей дисциплиной, если под словом логическая понимать проявление как поэтического, так и практически-познавательного и религиозного мирообъяснения...»⁶³. Употребляя термин «фольклор» как общее универсальное понятие, Ю. М. Соколов логично предлагал для обозначения различных составных его элементов присоединять «определяющие эпитеты — художественный, религиозный, юридический и т. п., указывающие преобладающую черту избранного исследователем материала»⁶⁴; для произведений словесного творчества он сам употреблял выражения «устный», или «словесный фольклор», и для некоторых видов — «письменный фольклор»⁶⁵. Он, правда, тогда уже говорил о том, что «элемент словесный» имеет в фольклоре преобладающее значение, но тут же подчеркивал необходимость «полно и всесторонне изучать и то в фольклоре, что в силу своей синкретичности^{TM} не поддается целиком исследовательским опытом одного только фольклориста-литературоведа»⁶⁶. Определяя место фольклористики в системе наук, Ю. М. Соколов писал, что она является «сегментом этнографии» и вместе с тем «входит в область литературоведения», причем по отношению к последней ученый отстаивал требование «значительной автономии фольклористики»⁶⁷. Сходным образом толковал термин фольклор и Е. Г. Кагаров — как «сумму произведений народного творчества», считая «основными осями» фольклористических исследований филологию и социологию⁶⁸.

Разногласия в понимании термина обозначились во время и после дискуссии 1931 г. в Институте речевой культуры в Ленинграде. Одни ученые — В. М. Жирмунский, О. М. Фрейденберг, М. Еинер и другие — расходясь в частности, сходились в определении фольклора как суммы реликтовых явлений в области культуры и отрицали существенные различия между фольклором и предметом этнографии. Ю. М. Соколов, Н. П. Андреев и М. К. Азадовский в конечном счете пришли к отождествлению фольклора и литературы и превратили фольклористику в литературоведческую дисциплину.

Рассмотрим конкретнее эти две противоположные тенденции. В. М. Жирмунский не придавал принципиального значения вопросу об объеме понятия «фольклор»; но все же «наиболее приемлемым — писал он, — является тот широкий объем понятия, который соответствует обычному употреблению термина «Volkskunde», объединяющего этнографию и фольклор как принципиально однородные группы явлений»⁶⁹. В связи с этим он и отказывался проводить границу между тем, что обычно называется «фольклором», и «этнографией»⁷⁰. Правильно ставя вопрос, что

⁶² Юрий Соколов, Очередные задачи изучения русского фольклора, «Художественный фольклор», I, М., 1926, стр. 5.

⁶³ Там же, стр. 6.

⁶⁴ Там же, стр. 6—7.

⁶⁵ Там же, стр. 22, 24.

⁶⁶ Там же, стр. 23.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Е. Г. Кагаров, Что такое фольклор, стр. 3, 8.

⁶⁹ В. М. Жирмунский, Проблема фольклора, в кн. «Сергею Федоровичу Ольденбургу. Сборник статей», Л., 1934, стр. 198.

⁷⁰ Там же, стр. 197.

решающим критерием для отнесения к фольклору тех или иных фактов является «качественная специфика, определяемая его социальной природой и общественной функцией»⁷¹, В. М. Жирмунский ошибался в определении самой этой специфики. Он писал: «... отвлекаясь от... пограничных споров об объеме понятий, можно утверждать, что специфическим социальным качеством изучаемого фольклористикой материала является его реликтовый, архаический характер, как явления «живой старины»⁷².

Ю. М. Соколов занял прямо противоположные позиции, во многом, увлеченный полемической задачей, отойдя и от собственных формулировок 1920-х годов. Впервые безоговорочно он определил фольклор как устное поэтическое творчество в докладе на Первом совещании писателей и фольклористов, состоявшемся в Москве 15 декабря 1933 г.⁷³ Затем он хотя и допускал некоторые оговорки, но неизменно подчеркивал, что «под фольклором прежде всего разумеется устное поэтическое творчество широких народных масс», «фольклор — преимущественно устная поэзия» и т. п.⁷⁴ и практически отождествил эти два понятия. При этом Ю. М. Соколов стремился последовательно доказать, что специфика фольклора — фиктивна. Он утверждал, что «отличие фольклора от литературы... более количественного, чем качественного порядка»⁷⁵, а «... в творческом устно-поэтическом процессе нет принципиального отличия от того, что составляет творческий процесс в литературе»⁷⁶. Но если отрицание специфики фольклора было заблуждением, то совершенно справедливы и своевременны были возражения ученого против сведения фольклора к «пережиткам»⁷⁷.

После статей Ю. М. Соколова определение фольклора как устного поэтического творчества было подхвачено другими фольклористами. Н. П. Андреев писал: «Под именем фольклор мы объединяем значительное количество словесных художественных произведений, распространяющихся посредством устной традиции»⁷⁸. М. К. Азадовский неоднократно говорил о «спаянности фольклора и литературы», и хотя не отрицал связи фольклора с этнографией на ранних этапах истории, но полагал, что «фольклор в своем позднейшем бытии является уже памятником художественного и литературного значения»⁷⁹. Превратившись в своего рода формулу, выражение «устное народно-поэтическое творчество» стало привычным названием многочисленных книг, статей, сборников, впрочем вполне соответствующим тому материалу, который в них содержался, поскольку фольклористы, действительно, ограничивались, как правило, литературоведческим изучением фольклора. С другой стороны, никого уже не смущало то обстоятельство, что на книгах и сборниках, содержащих только устно-поэтический материал, все чаще и чаще стало появляться одно слово «фольклор» без эпитета «словесный». И хотя музыковеды, а отчасти хореографы и историки народного театра изредка напоминали о своей причастности, к этому термину, но литературоведы

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, стр. 198.

⁷³ «Сов. этнография», 1934, № 1—2, стр. 204—205.

⁷⁴ Юрий Соколов, Природа фольклора и проблемы фольклористики, «Литературный критик», 1934, № 12, стр. 127, ср. стр. 137.

⁷⁵ Там же, стр. 131.

⁷⁶ Там же, стр. 132.

⁷⁷ Там же, стр. 133. Отождествление фольклора и устного словесного творчества закрепилось в статье Ю. М. Соколова для первого издания «Большой советской энциклопедии» и в его учебнике «Русский фольклор» (М., 1941, стр. 6).

⁷⁸ Н. П. Андреев, Фольклор и литература, «Ученые записки Государственного педагогического института им. Герцена», т. I, вып. 2, Л., 1936, стр. 105.

⁷⁹ М. Азадовский, Литература и фольклор, Л., 1938, стр. 4, ср. стр. 197.

ние его как бы монополизировало, несмотря на то, что сам он появился как раз в силу недостаточности понятий «народная поэзия», «народная словесность», а употреблять его имело смысл не как синоним этих понятий, а в значении более широком. Правда, в известный период в истории нашей науки слово это стало беспокоить некоторых критиков, но уже совсем по другой причине. Мотивы, которыми руководствовались гонители термина «фольклор», отчетливо выражены в статье Н. Ф. Бабушкина «Против устаревшего и чуждого термина „фольклор“»⁸⁰. Но хотя вскоре этот международный термин снова утвердился в советской науке, его реальное содержание оказалось практически по-прежнему ограниченным, даже несмотря на то, что во втором издании Большой советской энциклопедии фольклор определяется как «народное творчество» в целом или как «искусство, создаваемое трудящимся народом, бытующее в широких массах», а предметом фольклористики называется опять-таки «искусство, создаваемое трудящимися массами»⁸¹.

Как же обстоит дело в современной зарубежной фольклористике? В послевоенные годы как в капиталистических, так и в социалистических странах заметно оживление фольклористической деятельности, а в связи с этим и стремление заново осмыслить предмет фольклористики. Международная фольклористическая комиссия по ЮНЕСКО — CIAP (Commission International des Arts et Traditions populaires) распространила поле деятельности на все народные традиции и искусства. Созданный в 1947 г. Международный совет народной музыки (IFMC), организовавший уже более 15 фольклорных конгрессов, своим существованием демонстрирует инициативу и возросшую роль музыковедов в мировой фольклористике. Активное участие фольклористов в работе Международных этнографических конгрессов, особенно беспрецедентно большой удельный вес фольклористической тематики на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве, убедительно свидетельствуют об укреплении связей фольклористики с этнографией. Фольклористика все больше обнаруживает стремление к воссоединению своих разрозненных составных частей, к комплексному методу исследования. Однако это не означает, что достигнуто полное взаимопонимание между фольклористами разных стран и разных направлений в определении предмета своей науки.

Едва ли не все существующие в современной буржуазной науке определения термина «фольклор» содержатся в американском «Общем словаре фольклора, мифологии и легенд»⁸², где представлено более двадцати известных фольклористов. Здесь на одном полюсе группируются традиционные характеристики, делающие акцент на архаичности фольклора. Типично в этом отношении следующее определение: «совокупность остатков старинных народных верований, обычаев и традиций, которые выжили в среде менее образованных элементов цивилизованного общества до настоящего времени» (Дж.-Л. Миш)⁸³. Уже в таком определении угадываются и весьма широкие границы термина⁸⁴. Особенно пока-

⁸⁰ «Ученые записки Томского государственного университета», 1951, № 16, стр. 167—169.

⁸¹ «Большая советская энциклопедия», 2 изд., т. 45, 1956, стр. 283.

⁸² «Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend», v. I, New York, 1949; v. II, 1950.

⁸³ Там же, т. I, стр. 401/П.

⁸⁴ В универсальном значении «народных знаний», «народных традиций» и т. п. его употребляют А.-М. Эспиноза («Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend», стр. 399/1—399/11), М.-Э. Лич (там же, стр. 400/П), Ст. Томпсон (там же, стр. 403/1), И. Балис (там же, стр. 398/1), Т.-Х. Гэстер (там же, стр. 399/II), Дж. Герцог (там же, стр. 400/П).

зательна в этом отношении пространная характеристика, данная Мариусом Барбью; он избегает определенной формулы и предпочитает детальное калейдоскопическое описание самых различных занятий, чтобы наглядно и не без эффекта продемонстрировать свое универсальное понимание предмета: «Всякий раз, когда поют колыбельную песенку ребенку; всякий раз, когда песенки, загадки, скороговорки или считалки слышатся в детской или в школе; всякий раз, когда у камелька звучат поговорки, пословицы, сказки, анекдоты, народные рассказы, воспоминания; всякий раз, когда согласно обычаю или по внутренней склонности народ передается пению и танцам, старинным играм, карусельным забавам...; всякий раз, когда мать показывает своей дочери, как шить, вязать, прясть, ткать, делать покрывало, вязать шарф, печь пирог по старинному рецепту; всякий раз, когда крестьянин на наследственном участке земли обучает сына... по луне и ветрам предсказывать погоду на время посева или жатвы; всякий раз, когда деревенский ремесленник... обучает своего ученика применению инструмента...; всякий раз, когда во многих профессиях познания, опыт, мудрость, мастерство, обычаи, навыки передаются по примеру или посредством разговорной речи, от старших к новым поколениям, без помощи книг, гравюры или школьного учителя, — тогда-то и существует фольклор в его собственных владениях, всегда за работой, живой и переменчивый, всегда способный уловить и ассимилировать на своем пути новые элементы...»⁸⁵.

Наряду с такого рода свободным определением мы встречаемся и со стремлением четко разграничить весьма емкую сферу фольклора, что характерно, например, для А. Тэйлора; вслед за общим определением («фольклор состоит из материалов, которые передаются по традиции от поколения к поколению и которые было бы безнадежно приписать какому-либо изобретателю или автору») Тэйлор различает разные виды или области фольклора — «фольклор физических объектов», «фольклор жестов и игр», «фольклор идей» и «устный фольклор», или «фольклор-слов»⁸⁶. В «Общем словаре...» мы найдем и весьма осторожные определения, констатирующие «двусмысленность» или многозначимость термина, «неупорядоченность» его употребления⁸⁷, но преобладают «универсальные», точнее, эклектические определения, стремящиеся объединить, самые разнородные факты и явления. В ряде случаев это вообще приводит к релятивизму, к отказу от попыток установить какие бы то ни было границы предмета, к утверждениям, что любое явление может быть фольклором, независимо от его природы, происхождения и социальной принадлежности. Так, М. Хармон пишет: «Фольклор может быть определен — но не применительно к какой-либо отрасли культуры больше, чем к другой, и не к одному типу людей больше, чем к другим — а как термин для способов, по которым он приобретает, используется и передается»; все дело в форме существования явления, в «манере» ее приобретения, использования, трансформации, передачи и т. п. а именно — «манере», исключаящей «импульсы индивидуального ума»⁸⁸.

Вместе с тем, в противоположность приведенным и подобным толкованиям, в «Словаре» встречаются и иные, ограничивающие фольклор только произведениями словесного искусства и указывающие на устную речь, как его материал. «Фольклор — это форма искусства, охватывающая различные виды преданий, пословиц, повествований, заклинаний, песен и другие формулы, которые в качестве средства имеют устную.

⁸⁵ Там же, стр. 381/1.

⁸⁶ Там же, стр. 402/Н.

⁸⁷ Katharin L u o m a l a, там же, стр. 401/П.

⁸⁸ Там же, стр. 399/П—400/1.

речь» — лаконично определяет фольклор Ричард Уотермен⁸⁹. Уильям Бэском относит к фольклору «мифы, легенды, сказки, пословицы, загадки, стихи и различные другие формы, художественно выраженные посредством устного слова»⁹⁰. О фольклоре как о «бесписьменной литературе», «устной литературной традиции» или о «центральном литературном ядре» в разных явлениях, обычно относимых к фольклору, пишет Джордж Фостер, Мельвил Херсковиц и другие⁹¹. Как свидетельствует Эрминия Фогелин, в США среди этнографов, изучающих культуру народов, не имеющих письменности, фольклор обычно употребляется для обозначения «различных видов устно передаваемой прозы и стихотворных форм, существующих у первобытных коллективов»; среди же «гуманитаров», изучающих культуру цивилизованных народов, «все устно передаваемые материалы рассматриваются как фольклор»⁹².

Большой размах фольклористика приобрела в Латинской Америке. В ряде стран созданы свои национальные фольклорные энциклопедии и словари. Латиноамериканские страны все чаще становятся местом международных форумов. Так, проходивший в Сан-Пауло в 1954 г. Международный фольклорный конгресс в своей резолюции сформулировал общее определение фольклора как продукта «традиции, развивающейся путем устной передачи; факторами, характеризующими эту традицию, служат: 1) непрерывная связь настоящего с прошлым, 2) варианты, проистекающие из творческих импульсов индивидуума или группы и 3) отбор, производящийся народом». Характерным свидетельством того, как широко понимается фольклор в Латинской Америке, является, например, специальный сборник, изданный в 1960 г. в честь известного бразильского фольклориста Ренато Алмеида по решению упоминавшегося конгресса в Сан-Пауло. В сборнике опубликованы статьи по словесному, музыкальному, хореографическому, драматическому народному творчеству, народной технике, медицине, костюмам и т. п.⁹³. Специальная статья Э. Карнейро «Классификация бразильского фольклора» особенно наглядно подчеркивает беспредельность этого понятия, причем устная литература является здесь лишь его элементом⁹⁴. Обоснование такого подхода находим в статье Анны Рут «Теория и метод»⁹⁵.

Весьма активна фольклористическая деятельность в Аргентине — центром ее является национальное фольклорное общество (Sociedad Argentina de Folklore). В специальных трудах аргентинских фольклористов — А. Р. Кортазара, И. Арец, Ф.-А. Анзаласа, А. Повиньи⁹⁶ и вышедшем уже тремя изданиями специальном «Словаре аргентинского

⁸⁹ «Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend», стр. 403/11.

⁹⁰ Там же, стр. 398/П.

⁹¹ Там же, стр. 399/П, 400/1. Впрочем, и в пределах «словесной» концепции фольклора встречаются весьма емкие формулы, вроде той, что предлагает Б. А. Боткин: «В собственно устной культуре все является фольклором» (стр. 398/П). Находя формулу «Фольклор — устная литературная традиция» уязвимой, Мариан Смит склоняется к определению фольклора как «устных материалов во всех их разновидностях» (стр. 402/1).

⁹² Там же, стр. 403/1. Проходившая в США позже дискуссия о теории фольклора не изменила понимания термина («Journal of American Folklore», 1959, v. 72, № 285). Характерно, что господствующим остается определение фольклора как «универсального предмета», как «всех знаний, передаваемых по традиции» (K.-W. and M.-W. Clarke, *Introducing Folklore*, New York, 1963, стр. 3, 8).

⁹³ «Estudos e eusaio folclóricos em homenagem a Renato Almeida», Rio de Janeiro, 1960, 736 стр.

⁹⁴ Edison Carneiro, *Classificação decimal do folklore Brasileiro*, «Estudos e eusaio folclóricos», стр. 563—569.

⁹⁵ Там же, стр. 269—278.

⁹⁶ См.: Augusto Raul Cortázar, *Folklore argentino*, 1951; Isabel Aretz, *Historia y folklore*, 1946; ee же, *El folklore argentino*, 1951; Fermir. Alfredo Anzalas, *Folklor argentino*, 1952; Alfredo Povina, *Teoría del folclore*, Cordoba, 1954.

фольк
задач
обыча
харак
Ал
систе
прос
иску
обще
котор
специ
тельн
клор
фоль
В
широ
Хара
рях,
педи
реме
изда
няю
ды, с
слов
расп
перв
деле
впро
Ф
«нау
ние
трад
«сов
энци
ние:
кул
леге
фол
обы
Р
пей
Зде
на п
учен

фольклора»⁹⁷ обосновывается и реализуется весьма широкое понимание задач фольклористики как науки, изучающей «традиции, верования и обычаи, в которых выражается облик народа, его чувства и мысли в их характерных проявлениях»⁹⁸.

Альфредо Повинья в своей «Теории фольклора» предлагает целую систему терминов: фольклор — для обозначения всей области «знаний» простого народа — его научных, философских и религиозных воззрений, искусства и морали»; фольклология (вместо фольклорология) — как общее наименование науки, изучающей фольклор во всем его объеме, которая, в свою очередь, подразделяется на: а) фольклософию, или специализированную теорию фольклора, б) фольклографию, или описательную дисциплину, объясняющую и обобщающую конкретные фольклорные явления и в) фольклосоциологию — дисциплину, изучающую фольклор под социологическим углом зрения¹⁰⁰.

В современной Западной Европе по-прежнему господствуют самые широкие формулы в определении фольклора, аналогичные приведенным. Характерно, что они закреплены в новейших энциклопедических словарях, изданных в Англии, Франции, Италии. Так, Британская энциклопедия 1957 г. этим термином обозначает «все народные искусства и ремесла, как материальную, так и духовную культуру»¹⁰¹; в последнем издании дается следующее определение: «Общее наименование, объединяющее традиционные верования, предрассудки, нравы (manners), обряды, суеверия простого народа. Народные сказки, баллады, песни и пословицы также входят в это наименование, а вследствие современного расширения значения — и некоторые аспекты материальной культуры, первоначально исключавшиеся из определения»¹⁰². Аналогичное определение дает новейший «Терминологический словарь» (исключая, впрочем, материальную культуру)¹⁰³.

Французский энциклопедический словарь определяет фольклор как «науку о народных традициях, нравах и искусствах»¹⁰⁴; последнее издание Большой энциклопедии Ларусс дает два значения — как «наука о традициях, обычаях, верованиях, песнях, народной литературе» и как «совокупность самих традиций, легенд, песен и проч.»¹⁰⁵. Итальянский энциклопедический словарь содержит наиболее лаконичное определение: «Наука, изучающая народные традиции»¹⁰⁶; «Словарь всеобщей культуры»: «фольклор — изучение народных обрядов и обычаев, песен, легенд, традиций, предрассудков»¹⁰⁷; другая энциклопедия определяет фольклор как «часть этнологии, которая изучает устные традиции и обычаи в народе»¹⁰⁸.

Научным трудом, обобщающим и подытоживающим искания европейской фольклористики, является известная книга Дж. Коккьяры. Здесь¹⁰⁹ мы читаем: «В прошлом часто возникали весьма легковесные

⁹⁷ Felix C o l i s s i o, *Diccionario folklórico argentino* (изд. 1, 1948).

⁹⁸ «Gran enciclopedia Argentina», v. III, 1957, стр. 362.

⁹⁹ Alfredo P o v i n j a, Указ. раб., стр. 142; ср. стр. 30.

¹⁰⁰ Там же, стр. 65; ср. стр. 72. Впервые термин «фольклорология» был предложен на конгрессе историков в Мехико в 1945 г. Сводку разных определений фольклора учеными латиноамериканских стран см. в указ. раб. Повиньи, стр. 41—47.

¹⁰¹ «Encyclopaedia Britannica», v. 9, 1957, стр. 446.

¹⁰² «Encyclopaedia Britannica», v. 9, 1964 стр. 518.

¹⁰³ «A Dictionary of Literary Terms», Constable — London, 1964.

¹⁰⁴ «Dictionnaire encyclopedique Quiellet», Paris, 1950, v. D—G, стр. 1727.

¹⁰⁵ «Grand Larousse encyclopedique», v. 5, 1962, стр. 91.

¹⁰⁶ «Dizionario Enciclopedio Italiano», v. IV, 1956, стр. 841.

¹⁰⁷ «Dizionario di cultura universale», v. 3, Milano, 1958—1959, стр. 1742.

¹⁰⁸ «Enciclopedia Hoepli», v. 3, Milano, 1963, стр. 653.

¹⁰⁹ Джузеппе Коккьяра, *История фольклористики в Европе*, М., 1960, стр. 18.

теории о фольклоре; может быть, именно для борьбы с этими теориями было высказано предположение, что у фольклористики нет никакого предмета исследования. Однако он, несомненно, имеется, и это, так сказать, народ». И в другом месте: «...проблема фольклора выступает как проблема признаков народности, определения того, что является и что не является народным»¹¹⁰. Характерно, что словесные произведения Коккьяра относит в область «литературного фольклора» и нигде не ставит знака равенства между фольклором в целом и народной поэзией.

В социалистических странах все более и более последовательно разрабатывается марксистско-ленинское научно-социологическое исследование фольклора как творчества трудящихся, и в этом отношении сделан большой шаг вперед по сравнению с буржуазной фольклористикой. Что же касается определения объема понятия, то и здесь нет единства во взглядах. Но преобладающей тенденцией является включение в фольклор *всех разнообразных видов художественного творчества* народных масс (словесного, музыкального, хореографического, драматического, прикладного).

Проблема определения фольклора обсуждалась на IV Конгрессе фольклористов Югославии (1957 г.). В дискуссии, наряду с югославскими учеными, приняла участие фольклористы США, Италии, Германии. В основных докладах Б. Русича и С. Вильфана констатировалось разнообразие толкований термина в современной мировой науке и предлагалось ограничиться двумя значениями: широким — для определения всей области духовного творчества и узким — для определения всего народного искусства¹¹¹. В Югославии ученые, стоящие на марксистских позициях, очень критически относятся к характерному для буржуазной фольклористики ограничению фольклора «пережитками» и постоянно подчеркивают, что фольклор — не архаика, а продолжающее развиваться народное искусство¹¹². Выходящий ныне в Югославии журнал — «Народно стваралаштво Folklor» — закрепляет широкое определение фольклора как всего комплекса народного творчества.

В Болгарии также признается целесообразным употреблять термин в двух значениях — в широком он, по определению П. Динекова, «охватывает умственную, духовную культуру народа»; в узком смысле слова фольклор означает «словесно-художественные произведения, созданные трудовым народом и живущие в его среде»¹¹³. Однако в понятие фольклора болгарские ученые включают также и музыкальные и хореографические произведения, а основными признаками его считают коллективность и традиционность¹¹⁴.

В Чехословакии в 1930-е годы установилось определение фольклора как науки о народной культуре. В первые послевоенные годы под влиянием советской фольклористики обнаружилась тенденция к сужению понятия и, по свидетельству Я. Йеха, под фольклором стали чаще всего подразумевать устную словесность¹¹⁵. Однако в дальнейшем термин «фольклор» стал употребляться в трех значениях: для обозначения, во-первых, народной поэзии, во-вторых, словесно-музыкальных произведений и

¹¹⁰ Джузеппе Коккьяра, Указ. раб., стр. 21.

¹¹¹ Bronislav R. u. sic, Odredba pojma «folklor». «Rad Kongresa folklorista Jugoslavije u Varazdinu, 1957, Zagreb, 1959, стр. 273.

¹¹² См., например, доклады Д. Недельковича, Н. С. Мартиновича и З. Палчока на VII Конгрессе фольклористов Югославии, «Рад VII-ог. Конгреса фолклориста Лугославије у Охриду», 1960, Охрид, 1964, стр. 141, 143, 153.

¹¹³ Петър Динев, Български фолклор, т. 1, София, 1959, стр. 10.

¹¹⁴ Стоян Джуджев, Народната музика като обществено явление, «Рад IX-ог Конгреса фолклориста Тугославије», Сарајево, 1963, стр. 192.

¹¹⁵ Jaromir Jech, Folklor, «Ceskoslovenska ethnografie», 1956, № 1, стр. 81.

з-третьих, установит словесное всех Р ех является ственные. В Пол Д'ов ХУД в ило> П'Р «область Р'и> °бря,п и на Р'Д'б фольклор областью сщс не Д а разделяк определи Многосос употреби инструме | СХОДВ в Других лор» сох ляется ь I Какие г ТерМи циально! значать дователь историче тературс обьем зк видов м

ш Та 117 Т4 определен зумсаетс фольклористик

j ш АК

^а, ^ок

па у и9 з\

23. Ср: J

ska Szuk

126 J u

f colonis ?

m ?

folkloru i

соврем!

VIII, 196

m J.

cyklopedi:

«народно

одежды».

123 С:

re>> 1958

что в об.

gyomány:

ами з-третьих, всего народного искусства. Их пишет: «вопреки усилиям того (остановить объем слова фольклор и ограничить его значение народной ска- словесностью, оно живет в нескольких значениях»¹¹⁶. Однако общим для рсех трех современных значений термина фольклора в Чехословакии б является то, что он уже не включает, как прежде, явления не художе- ния Бтвенные— они стали предметом лишь этнографического изучения¹¹⁷. та. i В Польше также возобладало понимание фольклора как разных ви- аз - дов художественного народного творчества, за исключением, как пра- >Дю. Вило, прикладного искусства. А. Янковский определял фольклор как <область народных художественных песен, музыки, народной литерату- лан Р> обрядов, драмы и т. д.»¹¹⁸. Это определение, разграничивая фольклор ц то и народное прикладное искусство, принимает и Ст. Петровский¹¹⁹. Хотя во фольклористика в Польше является в значительной своей части область литературоведения¹²⁰, но характерно, что Ю. Кхдижановский, ьх еше не Двно считавший будто «теоретически литература и фольклор не Dr0, разделяются», в специальной статье для «Словаря польского фольклора» определяет фольклор как всю «духовную художественную культуру»¹²¹. ссе Многосоставность термина подчеркивает в новейшей статье Я. Собеска, ки употребляя соответствующие эпитеты: словесно-музыкальный фольклор, ни инструментальный, хореографический, словесный¹²². но. Сходную картину являет нам современное состояние фольклористики та- в Других социалистических странах. Широкое значение термин «фольк- лор» сохраняет в Румынии, хотя и там преимущественное внимание уде- ляется народному искусству¹²³.

их [Какие же выводы следуют из нашего обзора? гои Термин «фольклор», возникший первоначально для обозначения спе- нно (циальной) области изучения древностей и археологии, затем стал обо- значать особую науку, а также и самый предмет исследования. После- довательно изменялись аспекты изучения фольклора: археологический, ие исторический, психологический, социологический, этнографический, ин литературоведческий. До определенного момента постепенно расширялся иа- объем значения термина — вплоть до всех явлений духовный и некоторых ва видов материальной культуры народа, а затем возникло стремление к ые

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. Вместе с тем «Přiručn! slovník naučný» (Praha, 1962) дает следующее определение фольклора: «наука о народе, знания народа, в настоящее время подразумеваются народная духовная культура, прежде всего народная словесность», фольклористика— «наука о народной духовной культуре».

¹¹⁸ Alexander Jackowski, O *wartości* poznawczej folkloru, «Polska Sztuka Ludowa», Rok VII, 1953, I, стр. 9; ep ero же, Problem folkloru i ludowości w sztuce, Materiały do studiów i dyskusje, Warszawa, 1953, № 1 (13).

¹¹⁹ Stanisław Piotrowski, Ludowa twórczość artystyczna, Warszawa, 1955, стр. 15, 23. Ср.: Juliusz Starzyński, O ludowości sztuce ludowej polskiego Odrodzenia, «Polska Sztuka Ludowa», Rok VII, 1963, № 4—5, стр. 190—200.

¹²⁰ Julian Krzyżanowski, Folklorystyka w nauce o literaturze, «Ziady naukowy polonistów», 1958, Wrocław, 1960, стр. 71—35.

¹²¹ Ср.: Julian Krzyżanowski, Paralele, Warszawa, 1961, стр. 21 и «Stownik folkloru polskiego», Warszawa, 1965, стр. 104—106. О двух значениях термина фольклор в современной польской науке иишег Станислав С в и р к о («Literature Ludowa», Rok VIII, 1964, № 4).

¹²² J. Sobieska, Folklor na wirazü, «Poradnik muzyczny», 1964, № 10. «Mala encyklopedia powszechna PWN» (Warszawa, 1959) определяет фольклор шире — как «народное творчество в области словесности..., музыки и танца, искусства и ремесел, одежды».

¹²³ См., например, M. Pop, Noi orientări în studiele de folklor, «Revista de folklore», 1958, № 4, стр. 23—24. Венгерский фольклорист Иштванович Мартоя считает, что в область фольклора входит также все прикладное искусство («Műveltség és Hagyomány», VI, Budapest, 1964, стр. 182).

ограничению этого термина, которое шло в разных направлениях. Эти две тенденции в своих крайних выражениях — к максимальному расширению или к предельному сужению термина — обнаруживаются до сих пор. Если одна из них на первый план выдвигает некие всеобщие признаки, характерные для всей культуры народа в целом, не различая в последней разные по своей природе явления, что приводит к эклектизму, то вторая, напротив, доводит до крайнего предела дифференциацию народной культуры, искусственно разрывая органические связи между родственными ее формами, что приводит к неправомерному ограничению понятия «фольклор» лишь словесными произведениями. Если первая тенденция в сущности растворяет фольклор в этнографии, то вторая укладывает его в прокрустово ложе литературоведческих критериев. Ни та, ни другая тенденция не отражает действительную природу явления, подлежащего выделению и специальному изучению. Но вторая тенденция представляет особенно большую опасность, поскольку разрушает целостность фольклора, обедняет представление о нем и ведет если не к ликвидации фольклористики как науки, то к превращению ее в прикладную отрасль литературоведения.

В применении термина «фольклор» не следует исходить из его формального, этимологического значения, поскольку история всякого термина необратима и его реальный смысл неизбежно меняется с развитием самого предмета изучения и знаний о нем. С другой стороны, термин «фольклор», как прочно вошедший в международный обиход научный термин, не допускает произвола в его употреблении. Существовавшая в прошлом и сохранившаяся до сих пор, особенно в буржуазной науке, пестрота определений фольклора является следствием отчасти сложности самого материала и разнообразия задач, выдвигавшихся в разное время перед исследователями, но главным образом, следствием позитивизма, отсутствием ясного объективного принципа. И дело в конце концов не в самом термине, а в необходимости учета качественных признаков предмета научного изучения. Необходимо иметь некие объективные критерии, которые позволили бы выделить специфическое явление как предмет специальной науки. В данном случае речь идет о следующем: представляет ли собой народная культура нечто неделимое или в ней могут быть выделены относительно самостоятельные области, отличающиеся своими специфическими признаками, и если такие области существуют, то где должен быть установлен предел деления?

В социалистических странах, на наш взгляд, определилась закономерная и плодотворная тенденция обозначать термином «фольклор» не одну устную поэзию, а всю область народного художественного творчества, реально существующую в народной жизни, как определенный комплекс явлений духовной культуры. Здесь учитываются как бы две координаты измерения — социальная природа явления (творчество народных масс) и его качественная специфика (коллективное художественное творчество).

Конечно, каждый элемент фольклора может быть объектом специального изучения: словесный — литературоведения, музыкальный — музыковедения, игровой — театроведения и т. д., в особенности в тех случаях, когда эти элементы рассматриваются в их отношениях с литературой, музыкой, театром и т. д., как своего рода эмбрионы этих видов искусства. Но для изучения этих отдельных элементов не было бы необходимости в специальной науке — их с успехом могли бы изучать соответствующие прикладные дисциплины литературоведения, музыковедения и т. д. Однако существует фольклор как нечто целое, как относительно самостоятельная область культуры, со своими специфическими

признаками и закономерностями развития, обладающая безотносительной ценностью, и он заслуживает специального изучения как сложное, комплексное, синтетическое явление. И такое изучение уже не может быть простой суммой разрозненных усилий литературоведов, музыковедов, театроведов, искусствоведов, этнографов. Только ясно осознав сложность, комплексность и вместе с тем принципиальную однородность составных элементов своего предмета, фольклористика обретет самостоятельную жизнь как наука синтетическая и займет свое место в ряду других общественных наук.

SUMMARY

The author makes an attempt to trace the evolution of the term «folk-lore» in the European folk-lore studies and systematizes the main meanings of this term in modern science in Europe, USA and Latin American countries. The author marks two main tendencies in the use of this term. The first one tends to expand the frame of this term as to let it include all phenomena of spiritual culture and certain forms of material culture. The second tendency extremely restricts limits of folk-lore as a designation of oral works of art. The first tendency dissolves the folk-lore in the ethnography, and the second tendency turns it into an appendix of history of literature. The author also especially marks the tendency which is evident in the folk-lore studies of the socialist countries to designate by the term folk-lore the sphere of the folk artistic activity. The author believes, that the development of folk-lore studies in a form of a synthetic discipline will be the most fruitful direction.
